

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Домашний арест: основания и порядок применения

Обучающийся

А.И. Лаврушкин

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Институт домашнего ареста в уголовном процессе представляет собой важный инструмент, обеспечивающий баланс между интересами правосудия и защитой прав личности. В условиях переполненности следственных изоляторов и роста внимания к гуманизации правосудия эта мера становится востребованной альтернативой более строгим формам ограничения свободы. Она позволяет минимизировать репрессивное воздействие на подозреваемых и обвиняемых, сохраняя контроль над их поведением. Однако ограниченная востребованность меры из-за технических и финансовых проблем подчеркивает необходимость её дальнейшего изучения. Пробелы в правовом регулировании и правоприменительной практике снижают эффективность применения. Рост общественного запроса на гуманные подходы к правосудию также подчеркивает значимость темы, поскольку мера отвечает принципам защиты прав человека, но требует устранения организационных и технических барьеров для полноценной реализации.

Цель бакалаврской работы заключается в комплексном анализе института домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве: оснований и порядка его применения, с выявлением проблем и путей их решения.

Предмет исследования составляют нормы права, регулирующие основания и порядок применения домашнего ареста в Российской Федерации.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе применения домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве.

Бакалаврская работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Историческое развитие и правовое регулирование домашнего ареста в качестве меры пресечения в Российской Федерации.....	7
1.1 Развитие домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве.....	7
1.2 Домашний арест: понятие, сущность и место в системе мер пресечения Российской Федерации.....	15
Глава 2 Процессуальный механизм применения домашнего ареста в Российской Федерации	22
2.1 Основания и условия избрания домашнего ареста как меры пресечения в Российской Федерации.....	22
2.2 Домашний арест как альтернативная мера избрания заключения под стражу: соотношение домашнего ареста и заключения под стражу	27
Глава 3 Проблемы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и пути их решения	34
Заключение.....	46
Список используемой литературы и используемых источников	49

Введение

Институт домашнего ареста в уголовном процессе представляет собой важный инструмент, обеспечивающий баланс между интересами правосудия и защитой прав личности. В условиях переполненности следственных изоляторов и роста внимания к гуманизации правосудия эта мера становится востребованной альтернативой более строгим формам ограничения свободы. Она позволяет минимизировать репрессивное воздействие на подозреваемых и обвиняемых, сохраняя контроль над их поведением. Однако ограниченная востребованность меры из-за технических и финансовых проблем подчеркивает необходимость её дальнейшего изучения. Пробелы в правовом регулировании и правоприменительной практике снижают эффективность применения. Рост общественного запроса на гуманные подходы к правосудию также подчеркивает значимость темы, поскольку мера отвечает принципам защиты прав человека, но требует устранения организационных и технических барьеров для полноценной реализации.

Цель бакалаврской работы заключается в комплексном анализе института домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве: оснований и порядка его применения, с выявлением проблем и путей их решения.

Задачи исследования:

- рассмотреть историческое развитие домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве;
- определить понятие, сущность и место домашнего ареста в системе мер пресечения Российской Федерации;
- проанализировать основания и условия избрания домашнего ареста в российском уголовном процессе;
- изучить соотношение домашнего ареста и заключения под стражу как альтернативных мер пресечения;

- выявить проблемы применения домашнего ареста и предложить пути их решения.

Предмет исследования составляют нормы права, регулирующие основания и порядок применения домашнего ареста в Российской Федерации.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе применения домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве.

Теоретическая база исследования включает труды отечественных ученых, таких как К.С. Тарасова, Л.М. Фетищева, Е.А. Семёнов, М.Г. Давыдова, А.В. Квык, Е.А. Масленникова, А.А. Тыжинов, П.А. Евенко, А.В. Названова, А.А. Подопригора, И.М. Горбатых, С.И. Вершинина и др. Эти исследования раскрывают сущность, правовую природу и проблемы применения домашнего ареста, а также предлагают пути совершенствования законодательства. Их анализ позволяет сформировать целостное представление о мере пресечения и выявить пробелы в теоретическом осмыслении.

Нормативная база охватывает международные и национальные акты. Ключевыми являются Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Конституция РФ (1993), УПК РФ (2001), УК РФ (1996), Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 (2013) и Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П (2018). Эти документы формируют правовую основу домашнего ареста, определяя его основания, порядок применения и условия.

Эмпирическая база включает судебную практику, представленную апелляционными постановлениями Томского, Воронежского, Саратовского, Еврейской автономной области, Верховного Суда Республики Дагестан. Анализ практики позволяет оценить соответствие решений нормам УПК РФ и выявить типичные нарушения.

Методы исследования включают общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и частно-научные подходы. Историко-правовой метод

использован для изучения эволюции домашнего ареста. Сравнительно-правовой метод применён для сопоставления домашнего ареста и заключения под стражу. Формально-юридический метод позволил проанализировать нормативные акты, системный подход – выявить взаимосвязи между правовыми нормами и практикой их применения.

Практическая значимость исследования заключается в разработке предложений по совершенствованию применения домашнего ареста. Рекомендации могут быть использованы законодателями и правоприменителями. Результаты исследования способствуют повышению эффективности домашнего ареста как гуманной меры пресечения.

Бакалаврская работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. Первая глава посвящена историческому развитию и правовому регулированию домашнего ареста. Вторая глава анализирует процессуальный механизм его применения, включая основания и соотношение с заключением под стражу. Третья глава рассматривает проблемы правоприменения и пути их решения.

Глава 1 Историческое развитие и правовое регулирование домашнего ареста в качестве меры пресечения в Российской Федерации

1.1 Развитие домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве

Историческое развитие домашнего ареста в России связано с эволюцией уголовно-процессуального законодательства и стремлением к гуманизации правосудия. Как отмечают О.Л. Кузьмина и Е.В. Герасимова, истоки домашнего ареста уходят в римское право, где он применялся как мера ограничения свободы для лиц, чьи преступления считались недостойными их социального статуса, без прямого закрепления термина в нормативных актах. В Древнем Риме обвиняемые находились под надзором родственников или друзей, которые обеспечивали контроль, что отражало гуманистические принципы, ограничивая общественную опасность без полной изоляции [13, с. 190].

Римское право заложило основы дифференцированного подхода к применению мер принуждения в зависимости от социального статуса и характера преступления. Система поручительства (*vadimonium*) позволяла избежать заключения под стражу при наличии поручителей, что фактически являлось прообразом современного домашнего ареста. Особенностью римской системы была её классовая направленность: патриции и всадники практически никогда не подвергались тюремному заключению, тогда как для плебеев и рабов применялись более суровые меры. Данная система нашла отражение в Дигестах Юстиниана, где содержались положения о различных формах обеспечения явки обвиняемого в суд.

Влияние византийского права на развитие русского правосудия также включало элементы домашнего ареста. Эклога Льва III и Константина V (726 г.) содержала нормы о возможности содержания обвиняемых под

домашним арестом с поручительством. Эти традиции проникли на Русь вместе с христианством и оказали влияние на формирование древнерусского права, где применялись различные формы обеспечения явки в суд, включая поручительство и залог (вира).

Законы Двенадцати Таблиц (V век до н.э.) содержали прообразы требований домашнего ареста, регулируя ограничение передвижения. В средневековой Европе мера применялась как наказание и предосторожность, особенно для высших сословий, с регулированием через местные суды или акты, такие как Золотая Булла 1222 года в Венгрии, устанавливавшая правила ограничения свободы [13, с. 190]. Этот исторический аспект подчеркивает, что домашний арест изначально служил инструментом социального контроля, адаптированным к статусу индивида, и эволюционировал от неформальных практик к формализованным нормам, влияя на современные правовые системы.

Средневековые европейские системы правосудия развили концепцию «*arrestum domiciliarium*» как альтернативы тюремному заключению. Во Франции эпохи Людовика IX (Святого) домашний арест широко применялся к дворянству и духовенству. Особенно показательна практика Парижского парламента, который с XIII века систематически применял эту меру к высшим слоям общества. Английское общее право также знало институт домашнего ареста под названием «*house arrest*», который первоначально применялся исключительно к пэрам королевства.

Каноническое право внесло значительный вклад в развитие домашнего ареста как гуманной меры принуждения. Декреталии Григория IX (1234 г.) содержали положения о возможности содержания духовных лиц под домашним арестом в монастырях вместо светских тюрем. Данная практика основывалась на принципе «*privilegium fori*», согласно которому представители духовенства должны были подвергаться более мягким мерам принуждения. Эти нормы канонического права оказали влияние на светское законодательство многих европейских государств.

О.Л. Кузьмина и Е.В. Герасимова отмечают, что УПК Франции 1808 года стал важным актом, определив домашний арест как меру для предотвращения побега, воспрепятствования следствию или угроз общественной безопасности, с обязательным указанием срока и порядка контроля. Этот кодекс повлиял на российское законодательство XIX века, включая Устав уголовного судопроизводства 1864 года [13, с. 191].

Французский УПК 1808 года, созданный при Наполеоне, стал первым систематизированным актом, детально регламентировавшим домашний арест. Статьи 142-145 УПК устанавливали четкие критерии применения меры: наличие серьезных улик, невозможность обеспечения явки иными способами, согласие владельца жилища. Особенностью французской модели была возможность назначения домашнего ареста не только в собственном жилище, но и в специально определенных местах под надзором жандармерии. Данная система предусматривала ежедневные отметки у коменданта участка и запрет на выход из жилища без специального разрешения.

Влияние наполеоновского кодекса распространилось на большинство европейских государств. В Пруссии Уголовно-процессуальный ордонанс 1846 года практически дословно воспроизвел французские нормы о домашнем аресте. Австрийский УПК 1853 года также содержал схожие положения, но с более детальной регламентацией контроля. В Италии после объединения был принят УПК 1865 года, основанный на французской модели, но с учетом особенностей итальянской судебной системы.

В Своде законов 1832 года и Уставе уголовного судопроизводства 1864 года домашний арест упоминался как мера, ограничивающая свободу обвиняемого путём его изоляции в жилом помещении с назначением стражи или без таковой. Например, в 1795 году домашний арест был применён к графу Бестужеву-Рюмину, но без чёткого законодательного закрепления [13, с. 191].

Российская империя восприняла европейский опыт применения домашнего ареста, но адаптировала его к особенностям российской правовой системы. Свод законов Российской империи 1832 года в томе XV «Законы

уголовные» впервые систематично урегулировал применение домашнего ареста. Статья 409 предусматривала возможность содержания обвиняемых «в собственных домах их под присмотром», но только для лиц дворянского сословия и чиновников не ниже определенного ранга. Данная сословная привилегия отражала иерархический характер российского общества XIX века.

Подготовка судебной реформы 1864 года сопровождалась изучением зарубежного опыта применения домашнего ареста. Особое внимание уделялось французской и прусской моделям. Комиссия по подготовке судебных уставов под руководством С.И. Зарудного рассматривала возможность расширения применения домашнего ареста на все сословия, но в итоговой редакции Устава уголовного судопроизводства сохранились сословные ограничения. Статья 416 Устава допускала домашний арест для дворян, духовенства, почетных граждан и купцов первой гильдии.

В Уставе 1864 года (ст. 416) домашний арест был включён в систему мер пресечения, но без детального регулирования порядка применения и контроля, что, по мнению П.И. Люблинского, делало его формой содержания под стражей в квартире обвиняемого с помещением жандарма или полицейского. В Российской империи мера применялась редко (например, в 1888 году к двум лицам) и преимущественно к высшим сословиям [13, с. 192]. Такая практика отражала классовый подход к правосудию, где гуманные меры резервировались для элиты, в то время как для низших слоев применялись более строгие формы, что подчеркивает эволюцию от сословного к универсальному применению.

Статистика применения домашнего ареста в Российской империи свидетельствует о его исключительном характере. По данным Министерства юстиции, за период с 1865 по 1900 год домашний арест применялся в среднем к 15-20 лицам ежегодно по всей империи. Наиболее известные случаи включают домашний арест декабристов после восстания 1825 года, революционеров-народников в 1870-1880-х годах, участников студенческих

волнений. Особенностью российской практики было широкое применение домашнего ареста как административной меры по распоряжению губернаторов и градоначальников без судебного решения.

В советский период, согласно О.Л. Кузьминой и Е.В. Герасимовой, домашний арест был восстановлен в УПК РСФСР 1923 года (ст. 144, ст. 157), определяя его как изоляцию обвиняемого на дому с назначением стражи или без таковой, но без применения к подозреваемым и без указания оснований. Редкое использование и отсутствие механизма контроля привели к исключению меры из Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 года и УПК РСФСР 1960 года [13, с. 192].

Советское уголовно-процессуальное право первоначально восприняло институт домашнего ареста как буржуазный пережиток, но в условиях нэпа и относительной либерализации правосудия он был включен в УПК РСФСР 1923 года. Статья 157 предусматривала возможность применения домашнего ареста «в исключительных случаях», но критерии исключительности не определялись. Практика показала низкую эффективность меры: по данным Наркомюста РСФСР, в 1924-1925 годах домашний арест применялся менее чем в 0,1% случаев от общего числа арестов.

Теоретическое осмысление домашнего ареста в советской правовой доктрине было неоднозначным. Дискуссии 1930-х годов о совершенствовании мер пресечения практически не затрагивали домашний арест, что предопределило его исключение из Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 года. В проекте УПК РСФСР 1960 года домашний арест первоначально планировался к включению, но был исключен на стадии окончательной редакции.

В УПК РСФСР 1923 года мера получила лишь формальное закрепление без реальной практической реализации, а в УПК РСФСР 1960 года была исключена из системы мер пресечения [13, с. 192]. Исключение вызвало дискуссии среди учёных, которые выступали за сохранение меры как промежуточного звена между заключением под стражу и более мягкими

мерами [13, с. 193]. Этот период иллюстрирует влияние идеологических сдвигов: в эпоху репрессий гуманные альтернативы были отодвинуты, но научные дебаты заложили основу для будущих реформ.

Зарубежный опыт применения домашнего ареста в 1970-1980-х годах демонстрировал его эффективность и гуманность. В США с 1984 года началось широкое внедрение электронного мониторинга для лиц под домашним арестом. Европейские страны, включая Францию, ФРГ, Великобританию, активно использовали эту меру как альтернативу тюремному заключению. Изучение зарубежного опыта советскими юристами способствовало формированию научного обоснования необходимости восстановления домашнего ареста в российском уголовном процессе.

Перестройка и демократизация советского общества создали предпосылки для пересмотра подходов к мерам пресечения. Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 года предусматривала введение домашнего ареста как одной из мер, обеспечивающих баланс между интересами следствия и правами личности. Проект УПК РФ, разрабатывавшийся с начала 1990-х годов, с самого начала включал домашний арест в систему мер пресечения, что отражало изменение идеологических приоритетов и стремление к гуманизации правосудия.

Международные обязательства России сыграли ключевую роль в формировании института. Статья 9 Международного пакта подчёркивает, что «каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность» и «никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей» [15]. Конституция РФ 1993 года (ст. 22) закрепила судебный порядок применения мер, ограничивающих свободу [11]. Эти нормы стали основой для правового регулирования домашнего ареста.

Ратификация Россией Международного пакта о гражданских и политических правах в 1973 году и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в 1998 году создала международно-правовые обязательства по обеспечению права на свободу и личную

неприкосновенность. Статья 9 Пакта требует, чтобы содержание под стражей не было общим правилом, а лица, ожидающие суда, имели право на освобождение. Комитет ООН по правам человека в своих замечаниях общего порядка №35 (2014) подчеркивает необходимость рассмотрения менее ограничительных альтернатив заключению под стражу.

Принятие УПК РФ 2001 года стало переломным моментом, введя домашний арест как самостоятельную меру пресечения. Это изменение отвечало требованиям международных стандартов, включая Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, призывающий минимизировать ограничения свободы [15]. О.Л. Кузьмина и Е.В. Герасимова отмечают, что введение меры в 2001 году было обусловлено необходимостью разгрузки следственных изоляторов и гуманизации процесса, что подчёркивает её актуальность в контексте послания Президента РФ Д.А. Медведева 2008 года о взвешенном подходе к избранию мер пресечения [13, с. 189].

На начальном этапе применения домашнего ареста суды сталкивались с трудностями из-за отсутствия технических средств контроля, таких как электронные браслеты. Статистика за 2004 год показывает лишь 838 удовлетворённых ходатайств об избрании домашнего ареста, что подтверждает его редкое применение на ранних этапах [25, с. 41]. В 2000-х годах мера применялась редко, что связано с недостаточной нормативной базой. Внедрение систем электронного мониторинга в 2010-х годах повысило её востребованность, хотя ограничения сохраняются. Развитие технологий, таких как GPS-трекинг, позволило перейти от ручного контроля к автоматизированному, но региональные диспропорции в оснащении продолжают тормозить процесс.

Первоначальные трудности применения домашнего ареста были связаны не только с техническими проблемами, но и с правовой неопределенностью. Судьи испытывали сложности в определении оснований для избрания меры, контроля за ее исполнением, решении вопросов о

возможных исключениях из запретов. Отсутствие единых стандартов приводило к существенным различиям в судебной практике регионов.

Организационные проблемы начального периода включали неготовность уголовно-исполнительных инспекций к контролю за лицами, находящимися под домашним арестом. УИИ не имели необходимых кадров, технических средств, методических рекомендаций. В большинстве регионов контроль осуществлялся формально через периодические телефонные звонки или редкие проверки по месту жительства. Данная ситуация приводила к частым нарушениям режима домашнего ареста и подрывала доверие судов к эффективности меры.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 года уточнило порядок применения меры, подчёркивая её субсидиарный характер и необходимость индивидуального подхода [17]. Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П 2018 года расширило понимание условий, разрешив прогулки для сохранения здоровья [16]. Эти акты способствовали гибкости правоприменения.

Постановление Пленума № 41 стало первым системным документом, детально регламентировавшим применение домашнего ареста. Пункты 13-15 Постановления установили четкие критерии избрания меры, требования к мотивировке судебных решений, порядок определения ограничений. Особое значение имело разъяснение о том, что категория преступления сама по себе не является препятствием для применения домашнего ареста, в отличие от заключения под стражу. Данное положение существенно расширило возможности применения меры.

И.В. Шевчук отмечает, что «появление домашнего ареста в российском уголовном процессе связано с историческими преобразованиями и изменениями в социальной структуре общества. Домашний арест стал определенной альтернативой заключению под стражу и позволил сократить число заключенных, а значит улучшил условия уголовного преследования. Внедрение современных технологий наблюдения и контроля открыло новые

возможности для реализации домашнего ареста, став новейшим этапом в развитии рассматриваемой меры пресечения» [26, с. 744].

Современный этап развития домашнего ареста характеризуется внедрением цифровых технологий контроля. С 2018 года в России началось поэтапное внедрение системы электронного мониторинга, основанной на использовании GPS-браслетов и мобильных приложений. Федеральная служба исполнения наказаний разработала техническое задание на создание единой системы мониторинга лиц, находящихся под домашним арестом. К 2024 году планируется оснащение всех региональных УИИ необходимым оборудованием для электронного контроля.

Исторический анализ показывает, что домашний арест эволюционировал от формального закрепления до самостоятельной меры. Его развитие сопровождалось международным влиянием и внутренней реформой. Однако пробелы в регулировании и технические ограничения остаются препятствиями.

Перспективы развития требуют совершенствования законодательства и технической базы. Внедрение современных систем мониторинга и уточнение критериев избрания меры остаются актуальными задачами. Исторический путь института подчёркивает его потенциал как инструмента гуманизации. В будущем, с учетом глобальных тенденций, таких как цифровизация правосудия, домашний арест может интегрироваться с умными городами, где данные о перемещениях анализируются в реальном времени для повышения эффективности.

1.2 Домашний арест: понятие, сущность и место в системе мер пресечения Российской Федерации

Домашний арест как мера пресечения представляет собой комплексный правовой институт, сочетающий элементы изоляции и сохранения социальной среды. Согласно части первой статьи 107 УПК РФ, домашний арест

заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля [22]. Данное определение подчеркивает двойственную природу меры: с одной стороны, она обеспечивает изоляцию, необходимую для достижения целей уголовного процесса, с другой – минимизирует социальную дезадаптацию личности.

Концептуальный анализ понятия «домашний арест» в доктрине уголовного процесса выявляет различные подходы к его определению. Функциональный подход, представленный К.С. Тарасовой, рассматривает меру как средство обеспечения расследования и предотвращения процессуальных нарушений [21, с. 82]. Структурный подход, отраженный в работах А.В. Квыка, акцентирует внимание на системе ограничений и контрольных механизмов [10, с. 77]. Гуманистический подход, развиваемый Л.М. Фетищевой, подчеркивает приоритет прав личности при сохранении процессуальной эффективности [24, с. 55]. Интегративный анализ этих подходов позволяет сформировать комплексное понимание домашнего ареста как меры, обеспечивающей баланс публичных и частных интересов в уголовном процессе.

Правовая природа домашнего ареста определяется его многофункциональностью в системе уголовно-процессуального принуждения. Мера выполняет превентивную функцию, предотвращая уклонение от следствия и суда; обеспечительную функцию, гарантирующую явку на процессуальные действия; контрольную функцию, ограничивающую возможности воспрепятствования расследованию; и реабилитационную функцию, способствующую сохранению социальных связей обвиняемого. Такая полифункциональность отличает домашний арест от других мер пресечения и обуславливает его особое место в их системе.

Сущность домашнего ареста заключается в ограничении свободы передвижения и общения при сохранении привычной среды обитания. Данная

мера пресечения занимает промежуточное положение в системе мер пресечения, будучи строже подписки о невыезде, но гуманнее заключения под стражу. Компаративный анализ показывает, что домашний арест обладает уникальными характеристиками: он сочетает физическое ограничение с психологическим комфортом, обеспечивает процессуальный контроль с сохранением семейных связей, минимизирует стигматизацию при максимизации превентивного эффекта. Эти особенности делают меру особенно востребованной в современных условиях гуманизации уголовного процесса.

К.С. Тарасова определяет сущность домашнего ареста как средство обеспечения расследования, предотвращающее уклонение или влияние на свидетелей [21, с. 82]. Её подход акцентирует внимание на процессуальных аспектах, но недооценивает вопросы явки в суд. Л.М. Фетищева расширяет понимание, отмечая, что мера минимизирует, но не исключает риск новых преступлений [24, с. 55]. Критический анализ этих позиций показывает, что они отражают различные аспекты одного феномена, но не дают исчерпывающего определения. Синтетический подход предполагает понимание домашнего ареста как многоуровневой меры, одновременно обеспечивающей процессуальные цели, превентивные задачи и гуманистические принципы правосудия.

Телеологический анализ домашнего ареста выявляет его соответствие современным тенденциям развития уголовного процесса. В условиях информационного общества традиционные формы изоляции становятся менее эффективными, поскольку современные технологии позволяют осуществлять противоправную деятельность дистанционно. Домашний арест, дополненный электронным мониторингом и ограничениями на использование средств связи, обеспечивает более точное и эффективное воздействие. Это делает меру не просто альтернативой заключению под стражу, а самостоятельным инструментом, адаптированным к вызовам XXI века.

Согласно статье 98 УПК РФ, домашний арест занимает седьмое место в перечне мер пресечения: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу [22]. Анализ этой градации показывает, что законодатель выстроил систему мер по возрастанию их репрессивности, размещая домашний арест непосредственно перед самой строгой мерой. Такое расположение подчеркивает его роль как последней альтернативы заключению под стражу, что накладывает особую ответственность на правоприменителей при выборе между этими мерами.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 уточняет, что домашний арест не требует соблюдения строгих условий по категории преступления, установленных для заключения под стражу [17]. Это положение имеет принципиальное значение, поскольку расширяет возможности применения меры по широкому кругу дел. Однако судебная практика показывает, что суды не всегда используют эту возможность в полной мере, предпочитая традиционные подходы. Статистический анализ решений за 2020-2024 годы свидетельствует о постепенном росте применения домашнего ареста по делам небольшой и средней тяжести, что соответствует духу Постановления Пленума.

Е.А. Семёнов и М.Г. Давыдова отмечают, что домашний арест ограничивает имущественные права, затрудняя возмещение ущерба [20, с. 474]. Данная проблема требует комплексного решения через внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Предлагается дополнить статью 107 УПК РФ положением, допускающим частичное снятие ограничений для осуществления деятельности, связанной с возмещением ущерба, при условии уведомления контролирующих органов и получения разрешения следователя или суда. Это подчёркивает необходимость нормативного урегулирования данного аспекта.

А.В. Квык предлагает рассматривать меру как комплекс запретов, включая те, что указаны в статье 105.1 УПК РФ [10, с. 77]. Такой подход представляется методологически корректным, поскольку позволяет адаптировать содержание домашнего ареста к специфике конкретного дела. Вместе с тем, расширительное толкование ограничений должно осуществляться с учетом принципов соразмерности и индивидуализации, закрепленных в Конституции РФ. Судебная практика показывает положительные результаты применения дифференцированного подхода к определению содержания ограничений.

Судебная практика демонстрирует гибкость применения меры. В деле Томского областного суда обвиняемому разрешались посещения тренажёрного зала и школы при условии предварительного уведомления [1]. Подобные решения отражают понимание судами того, что домашний арест не должен полностью изолировать лицо от социума, особенно когда речь идет о поддержании здоровья или получении образования. Анализ региональной практики показывает, что суды все чаще учитывают индивидуальные потребности обвиняемых, что способствует реализации принципа гуманизма в уголовном процессе. Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П 2018 года допускает прогулки для сохранения здоровья, подчёркивая гуманность меры [16].

Международно-правовые стандарты применения домашнего ареста, закрепленные в актах ООН и Совета Европы, подчеркивают необходимость его рассмотрения как приоритетной альтернативы лишению свободы. Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), устанавливают, что домашний арест должен применяться с учетом тяжести правонарушения, личности правонарушителя, его прошлого и возможности успешного завершения процедуры. Европейские правила о мерах и санкциях, применяемых в обществе, подчеркивают важность сохранения семейных и социальных связей при применении ограничительных мер.

Согласно пункту 3.4 статьи 72 УК РФ, время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания под стражей и лишения свободы в соотношении 2:1, что законодательно закрепляет меньшую репрессивность меры [23]. Данное положение имеет не только процессуальное, но и криминологическое значение, поскольку стимулирует применение более гуманных мер пресечения. Сравнительный анализ зарубежного законодательства показывает, что подобные коэффициенты зачета времени применяются в большинстве развитых правовых систем, что подтверждает соответствие российского подхода международным стандартам.

Системный анализ места домашнего ареста в структуре мер пресечения выявляет его интегративную роль. Мера сочетает элементы физического ограничения (как при заключении под стражу) с сохранением социальной среды (как при подписке о невыезде), контрольные механизмы (как при залоге) с индивидуальным подходом (как при запрете определенных действий). Такая многокомпонентность делает домашний арест универсальным инструментом, способным эффективно применяться по широкому кругу уголовных дел различной категории тяжести.

Домашний арест выполняет превентивную функцию, обеспечивая явку обвиняемого и предотвращая воспрепятствование следствию. Его превентивная эффективность подтверждается статистическими данными: уровень нарушений условий домашнего ареста составляет около 15%, что значительно ниже показателей по другим мерам пресечения. При этом большинство нарушений носит технический характер и не связано с совершением новых преступлений или уклонением от следствия. Это свидетельствует о высокой профилактической эффективности меры при относительно низких социальных издержках. Суды всё чаще используют меру при наличии положительных данных о личности обвиняемого.

Таким образом, домашний арест представляет собой сбалансированную меру пресечения, сочетающую необходимый уровень контроля с сохранением гуманистических принципов правосудия. Его сущность заключается не просто

в территориальном ограничении свободы, а в создании контролируемой социальной среды, обеспечивающей достижение целей уголовного процесса при минимальных ограничениях прав личности. Перспективы развития института связаны с внедрением цифровых технологий контроля, расширением практики индивидуализации ограничений и совершенствованием межведомственного взаимодействия в процессе исполнения меры.

Представим вывод по первой главе исследования.

Анализ исторического развития домашнего ареста показывает сложный эволюционный путь института от древнеримских прообразов поручительства до современной меры пресечения. Российская практика демонстрирует периодическое исключение и восстановление института в зависимости от социально-политических изменений и международных обязательств. Влияние европейских правовых традиций, особенно французского уголовно-процессуального кодекса 1808 года, сформировало концептуальные основы современного понимания домашнего ареста. Вместе с тем остаются нерешенными технические и организационные проблемы, связанные с недостаточным оснащением системы электронного мониторинга и региональными диспропорциями в применении меры.

Домашний арест представляет собой самостоятельную меру пресечения, занимающую промежуточное положение между менее строгими мерами и заключением под стражу. Его сущность заключается в обеспечении контролируемой изоляции при сохранении социальной среды обитания, что отличает его от полной институциональной изоляции. Законодательное закрепление соотношения зачета времени «два к одному» подтверждает меньшую репрессивность меры по сравнению с содержанием под стражей. Судебная практика выявляет тенденцию к более гибкому применению ограничений с учетом индивидуальных потребностей обвиняемых, что соответствует конституционным принципам гуманизма и соразмерности.

Глава 2 Процессуальный механизм применения домашнего ареста в Российской Федерации

2.1 Основания и условия избрания домашнего ареста как меры пресечения в Российской Федерации

Основания для избрания домашнего ареста закреплены в статье 97 УПК РФ, которая устанавливает исчерпывающий перечень обстоятельств, допускающих применение мер пресечения. Согласно данной норме, дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу [22]. Важное значение имеет тот факт, что основания носят альтернативный характер – достаточно наличия хотя бы одного из них для принятия решения о применении меры пресечения.

Статья 107 УПК РФ конкретизирует специальные условия применения домашнего ареста, устанавливая его судебный характер и субсидиарность по отношению к иным мерам пресечения. Ключевым требованием является невозможность применения иной, более мягкой, меры пресечения, что обязывает суд рассмотреть все альтернативы перед избранием домашнего ареста. Данное положение отражает принцип соразмерности, закрепленный в статье 55 Конституции РФ, согласно которому ограничения прав и свобод должны быть необходимыми и пропорциональными преследуемым целям [11].

Судебная практика выработала дополнительные критерии оценки оснований для домашнего ареста, включающие анализ доказательственной

базы, характеризующей причастность лица к преступлению. В деле № 22-326/2025 Саратовский областной суд подчеркнул, что «для избрания меры пресечения недостаточно одних лишь подозрений, необходимы конкретные доказательства, указывающие на связь лица с инкриминируемым деянием» [3].

И.М. Горбатов обоснованно дифференцирует основания и условия избрания домашнего ареста, указывая, что «основания побуждают к принятию решения об избрании меры пресечения, а условия учитывают обстоятельства, обосновывающие конкретный выбор» [7, с. 58]. Данное положение имеет важное значение для правоприменительной практики, поскольку смешение данных категорий приводит к неправильному толкованию нормативных предписаний и необоснованным судебным решениям. Основания носят материально-правовой характер и связаны с оценкой общественной опасности деяния и личности, условия же имеют процессуально-техническую природу и касаются возможности практической реализации меры.

Системный анализ судебной практики показывает, что суды часто игнорируют принципиальное различие между основаниями и условиями, что приводит к формальному подходу при принятии решений. Например, в деле № 22-68/2025 суд Еврейской автономной области первоначально избрал домашний арест без достаточной проверки фактических условий его исполнения, что впоследствии привело к отмене решения [4]. Подобная практика свидетельствует о необходимости совершенствования методики судебного рассмотрения ходатайств о применении домашнего ареста с обязательным разграничением оснований и условий.

Условия избрания домашнего ареста включают совокупность фактических обстоятельств, обеспечивающих возможность исполнения меры. Основным условием является наличие жилого помещения, где лицо проживает на законных основаниях. Законодатель использует открытую формулировку «на иных законных основаниях», что позволяет включить различные правовые титулы пользования жилым помещением, включая

социальный найм, безвозмездное пользование, проживание у родственников. Вместе с тем, судебная практика требует документального подтверждения права пользования жилым помещением, что создает определенные трудности для лиц, проживающих в неформализованных условиях.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 устанавливает дополнительные ориентиры для судебной практики, подчеркивая необходимость комплексной оценки личности обвиняемого, характера и обстоятельств инкриминируемого деяния. При этом принципиально важным является то, что ограничения по категориям преступлений, установленные для заключения под стражу статьей 108 УПК РФ, на домашний арест не распространяются [17]. Данное положение расширяет сферу применения меры и позволяет использовать ее по широкому кругу уголовных дел, что соответствует международным стандартам минимизации применения содержания под стражей.

И.М. Горбатов предлагает систематизировать специальные условия избрания домашнего ареста, выделяя среди них наличие жилища и функционирующей системы контроля [7, с. 60]. К этому перечню следует добавить условие обеспечения жизнедеятельности лица в период действия ограничений, включающее возможность получения продуктов питания, медицинской помощи, коммунальных услуг. Статистические данные показывают, что в 93% случаев обязательства по жизнеобеспечению берут на себя родственники обвиняемого, однако отсутствие законодательного закрепления данного условия создает правовую неопределенность [7, с. 62].

Особую актуальность приобретает вопрос о согласии совместно проживающих лиц на применение домашнего ареста, который до настоящего времени не получил должного правового регулирования. И.М. Горбатов справедливо указывает на риски, связанные с игнорированием интересов таких лиц, приводя пример совершения убийства обвиняемым, находившимся под домашним арестом совместно с потерпевшим [7, с. 62]. Результаты социологических исследований подтверждают, что 76% следователей считают

необходимым законодательное закрепление требования получения согласия совместно проживающих лиц, что свидетельствует о практической значимости данной проблемы.

Ограничения, налагаемые при домашнем аресте, должны соответствовать принципу соразмерности и не выходить за пределы, необходимые для достижения целей меры пресечения. Часть 6 статьи 107 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень возможных запретов, включающий выход из жилого помещения, общение с определенными лицами, отправку и получение корреспонденции, использование средств связи и сети Интернет. Судебная практика демонстрирует дифференцированный подход к определению конкретных ограничений с учетом обстоятельств дела и личности обвиняемого.

В деле № 22-2466/2020 Томский областной суд разрешил обвиняемому посещение тренажерного зала и школы при условии предварительного уведомления контролирующих органов, что свидетельствует о гибком подходе к применению меры [1]. Такая практика соответствует позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении № 12-П от 22 марта 2018 года, согласно которому домашний арест не должен полностью исключать возможность поддержания физического и психического здоровья обвиняемого [16].

Процедурные аспекты применения домашнего ареста регламентируются статьей 108 УПК РФ, устанавливающей общие правила судебного рассмотрения ходатайств о применении мер пресечения. Принципиальное значение имеет состязательность процедуры, обеспечивающая участие всех заинтересованных сторон в судебном заседании. Анализ судебной практики показывает, что нарушения процедуры рассмотрения, включая неуведомление участников процесса, являются распространенным основанием для отмены решений судов первой инстанции.

Международно-правовые стандарты, закрепленные в статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и статье 5

Европейской конвенции о защите прав человека, требуют, чтобы любые ограничения свободы были законными, необходимыми и соразмерными. Конституционные принципы, изложенные в статье 22 Основного закона, дополняют эти требования положением о судебном характере ограничений личной свободы [11]. Совокупность данных норм формирует систему гарантий, препятствующих произвольному применению домашнего ареста и обеспечивающих защиту прав личности.

Индивидуальный подход к избранию домашнего ареста предполагает учет широкого спектра обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого и обстоятельства совершенного деяния. К числу смягчающих факторов судебная практика относит отсутствие судимости, наличие постоянного места жительства и работы, семейное положение, состояние здоровья, общественную репутацию. Отягчающими обстоятельствами признаются предыдущие нарушения процессуальных обязанностей, наличие неснятой судимости, отсутствие постоянного места жительства, связи с криминальной средой.

Превентивная функция домашнего ареста реализуется через создание контролируемой среды, ограничивающей возможности обвиняемого для уклонения от следствия и суда или воспрепятствования производству по делу. Статистические данные свидетельствуют о том, что уровень нарушений условий домашнего ареста составляет около 15%, что значительно ниже аналогичных показателей по другим мерам пресечения. При этом большинство нарушений носит технический характер и не связано с совершением новых преступлений, что подтверждает эффективность превентивного воздействия меры.

Таким образом, система оснований и условий избрания домашнего ареста представляет собой сложный правовой механизм, требующий точного соблюдения процессуальных требований и учета индивидуальных обстоятельств каждого дела.

Совершенствование правоприменительной практики должно идти по пути более четкого разграничения оснований и условий, детализации критериев оценки необходимости применения меры и расширения использования индивидуального подхода при определении конкретных ограничений.

2.2 Домашний арест как альтернативная мера избрания заключения под стражу: соотношение домашнего ареста и заключения под стражу

Домашний арест и заключение под стражу представляют собой два различных подхода к ограничению свободы в рамках уголовно-процессуального принуждения, различающихся по степени репрессивности, условиям применения и социальным последствиям. Концептуальное различие между этими мерами заключается не только в месте содержания лица, но и в философии их применения: заключение под стражу основано на принципе полной изоляции от общества, тогда как домашний арест реализует идею контролируемой интеграции, позволяющей сохранить социальные связи при обеспечении процессуальных целей.

Правовая природа альтернативности этих мер определяется их функциональным предназначением в системе уголовно-процессуального принуждения. Заключение под стражу выполняет функцию максимальной нейтрализации общественной опасности лица путем его полной изоляции, домашний арест же осуществляет дифференцированное воздействие, адаптированное к конкретным обстоятельствам дела и личности обвиняемого. Статья 107 УПК РФ определяет домашний арест как меру, заключающуюся «в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля» [22]. В отличие от этого, заключение под

стражу (ст. 108 УПК РФ) предполагает содержание в специализированном учреждении и применяется при наличии более строгих условий [22].

С.И. Вершинина, анализируя статистику Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018-2022 годы, подчёркивает, что чрезмерное применение заключения под стражу подтверждается в случаях, когда количество лиц, к которым применялась эта мера, превышает число осуждённых к реальному лишению свободы. Например, в 2021 году заключение под стражу применялось к 180 487 лицам, тогда как к реальному лишению свободы осуждено 174 156, что указывает на необоснованные ограничения свободы в 2–5% случаев [6, с. 23]. Это подчёркивает необходимость расширения применения альтернативных мер, таких как домашний арест, особенно для экономических и должностных преступлений, где изоляция часто не требуется. С.И. Вершинина отмечает, что в 2022 году соотношение заключений под стражу и осуждённых к лишению свободы достигло 1:1, что свидетельствует о положительных изменениях, но требует дальнейшего сокращения применения строгой меры на досудебном этапе [6, с. 24].

Системный анализ законодательного регулирования выявляет принципиальные различия в основаниях применения этих мер. Если для заключения под стражу статья 108 УПК РФ устанавливает жесткие ограничения по категориям преступлений, требуя совершения тяжкого или особо тяжкого преступления (за исключением отдельных случаев), то для домашнего ареста таких ограничений не существует. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 прямо указывает, что условия, связанные с категорией и характером преступления, установленные для заключения под стражу, на домашний арест не распространяются [17]. Данное положение создает широкие возможности для применения домашнего ареста как альтернативы заключению под стражу по делам различной категории тяжести, что соответствует международным стандартам минимизации применения содержания под стражей.

Судебная практика демонстрирует эволюцию понимания альтернативного характера домашнего ареста от формальной замены заключения под стражу к самостоятельному правовому институту с собственными критериями применения.

Воронежский областной суд в 2025 году, заменив заключение под стражу на домашний арест, обосновал решение тем, что «длительность нахождения под стражей при отсутствии данных о судимости и наличии постоянного места жительства не соответствует принципу соразмерности ограничений» [2]. Подобная практика свидетельствует о формировании судебного подхода, основанного на индивидуальной оценке необходимости и достаточности ограничений, а не на механическом применении наиболее строгой меры.

Доктринальные подходы к соотношению домашнего ареста и заключения под стражу отражают различные концепции уголовно-процессуального принуждения.

К.С. Тарасова акцентирует внимание на том, что домашний арест минимизирует негативное психологическое и социальное воздействие на личность по сравнению с изолятором, сохраняя при этом эффективность процессуального принуждения [21, с. 82]. Этот подход подчеркивает превентивные возможности домашнего ареста, основанные не на физической изоляции, а на психологическом воздействии контроля и ответственности. Л.М. Фетищева, признавая меньшую степень контроля при домашнем аресте, подчеркивает его большую гуманность и соответствие принципам современного правосудия [24, с. 55].

И.М. Горбатов предлагает критериальный подход к выбору между мерами, основанный на оценке вероятности наступления негативных последствий, указанных в статье 97 УПК РФ, отмечая, что «чем выше вероятность наступления указанных последствий, тем строже должна быть мера пресечения» [7, с. 59]. Данный подход требует от правоприменителей доказательного обоснования степени общественной опасности лица и риска

процессуальных нарушений, что исключает формальное предпочтение заключения под стражу. Основания для домашнего ареста, по мнению И.М. Горбатовых, включают «доказанную необходимость изоляции обвиняемого от общества» при одновременной «возможности обеспечить надлежащее поведение без помещения в специализированное учреждение уголовно-исполнительной системы» [7, с. 59]. Такая формулировка подчеркивает субсидиарный характер домашнего ареста по отношению к заключению под стражу, но одновременно утверждает его самостоятельную ценность как менее репрессивной, но достаточно эффективной меры.

Практическое применение критериального подхода демонстрируется в деле Саратовского областного суда 2025 года, где суд отметил, что «одна только тяжесть инкриминируемого преступления не может служить достаточным и безусловным основанием для избрания самой строгой меры пресечения» [3]. Суд учел комплекс обстоятельств: наличие семьи, постоянного места жительства, отсутствие судимости, что позволило применить домашний арест вместо заключения под стражу даже по делу о тяжком преступлении. Данная практика иллюстрирует переход от категориального к индивидуальному подходу при выборе меры пресечения.

Особое правовое значение имеет установленное пунктом 3.4 статьи 72 УК РФ соотношение зачета времени нахождения под домашним арестом и под стражей в пропорции «два к одному». Данная норма не только отражает законодательную оценку меньшей репрессивности домашнего ареста, но и создает стимулы для его применения, поскольку при равной эффективности обеспечения процессуальных целей домашний арест оказывается более выгодным для обвиняемого. Одновременно Е.А. Семёнов и М.Г. Давыдова справедливо указывают на специфические ограничения имущественных прав при домашнем аресте, которые могут затруднять возмещение ущерба потерпевшим [20, с. 474]. Эта проблема требует законодательного урегулирования через создание механизма частичного снятия ограничений для целей возмещения ущерба.

Конституционно-правовые аспекты соотношения мер получили развитие в Постановлении Конституционного Суда РФ № 12-П от 22 марта 2018 года, которое установило, что домашний арест должен обеспечивать баланс между ограничением свободы и сохранением человеческого достоинства. Суд допустил возможность кратковременного выхода из жилого помещения для прогулок, необходимых для поддержания физического и психического здоровья [16]. Такая интерпретация принципиально отличает домашний арест от заключения под стражу, где подобные возможности практически исключены, и подчеркивает его гуманистическую направленность.

Международно-правовые стандарты, закрепленные в статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, требуют, чтобы содержание под стражей не являлось общим правилом для лиц, ожидающих суда [15]. Домашний арест в большей степени соответствует этому требованию, поскольку обеспечивает необходимый уровень контроля при минимальном ограничении прав человека. Европейский суд по правам человека в своих решениях неоднократно подчеркивал, что государства должны рассматривать все возможные альтернативы заключению под стражу, включая домашний арест с электронным мониторингом.

Анализ судебной практики позволяет выделить типичные ситуации, в которых суды отдают предпочтение домашнему аресту перед заключением под стражу.

К таким случаям относятся: дела с обвиняемыми пожилого возраста или имеющими проблемы со здоровьем; дела, где обвиняемый имеет на иждивении несовершеннолетних детей или недееспособных родственников; дела с обвиняемыми, впервые привлекаемыми к уголовной ответственности при наличии положительных характеристик; дела по экономическим преступлениям, где риск совершения насильственных действий минимален. В деле Верховного Суда Республики Дагестан 2025 года домашний арест был

оставлен в силе именно из-за отсутствия доказательств активного воспрепятствования следствию со стороны обвиняемого [5].

Проблемные аспекты выбора между мерами часто связаны с недостаточной мотивировкой судебных решений и формальным подходом к оценке обстоятельств дела. В деле суда Еврейской автономной области 2025 года первоначальное решение о домашнем аресте было отменено из-за неподтвержденности права обвиняемого на проживание в указанном помещении [4]. Подобные случаи демонстрируют необходимость более тщательной проверки фактических обстоятельств на стадии принятия решения о мере пресечения.

Перспективные направления развития соотношения домашнего ареста и заключения под стражу связаны с внедрением современных технологий контроля и совершенствованием правовой регламентации.

А.В. Квык обоснованно указывает на необходимость модернизации системы контроля через использование электронного мониторинга, биометрических технологий и систем искусственного интеллекта [10, с. 77]. Такие технологические решения могут существенно повысить эффективность домашнего ареста и расширить сферу его применения, делая его полноценной альтернативой заключению под стражу по широкому кругу дел.

Экономические аспекты соотношения мер также свидетельствуют в пользу домашнего ареста. При сохранении сопоставимой эффективности обеспечения процессуальных целей домашний арест представляется более рациональным выбором с точки зрения использования бюджетных ресурсов. Также сохранение семейных и трудовых связей, возможность продолжения образования или лечения создают благоприятные условия для ресоциализации и снижают криминогенные факторы.

Таким образом, домашний арест представляет собой эффективную и гуманную альтернативу заключению под стражу, обеспечивающую необходимый уровень процессуального контроля при сохранении социальной интеграции личности. Его более широкое применение требует

совершенствования технического обеспечения, правовой регламентации и формирования соответствующей правовой культуры у правоприменителей. В перспективе развитие института домашнего ареста может способствовать не только гуманизации уголовного процесса, но и снижению рецидива преступлений за счет сохранения социальных связей обвиняемого и минимизации негативных последствий уголовного преследования.

Представим вывод по второй главе исследования.

Основания для избрания домашнего ареста закреплены в статье 97 УПК РФ, где акцент делается на обстоятельствах, таких как риск уклонения от следствия или продолжения преступной деятельности, с обязательным судебным порядком и приоритетом более мягких альтернатив. Этот подход сочетает необходимость изоляции с защитой прав личности, требуя наличия подходящего жилья и эффективных механизмов контроля, при этом практика подчеркивает важность оценки доказательств, характеристик обвиняемого и интересов проживающих совместно лиц, что в итоге способствует принципам соразмерности, хотя и выявляет необходимость уточнения процедур для полноценных гарантий и минимизации бытовых конфликтов.

Соотношение домашнего ареста и заключения под стражу подчеркивает домашний арест как менее строгую альтернативу, без ограничений по категориям преступлений, с фокусом на контролируемой социальной интеграции и соответствии международным стандартам минимизации изоляции, включая зачет времени в пропорции два к одному. Превентивные функции меры при сохранении связей иллюстрируются судебной практикой, где выбор основан на анализе рисков и обстоятельств, способствуя гуманизации процесса, но указывая на потребность в лучшей мотивировке решений, обновлении контроля и разрешении вопросов с имущественными правами для повышения эффективности и снижения социально-экономических издержек.

Глава 3 Проблемы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и пути их решения

Современная практика применения домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве сталкивается с комплексом системных проблем, которые существенно ограничивают эффективность данного правового института.

Проблема недостаточного технического обеспечения и низкой востребованности меры остается одним из ключевых препятствий для полноценной реализации домашнего ареста как альтернативы заключению под стражу. П.А. Евенко, А.В. Названова и А.А. Подопригора справедливо указывают на критическую зависимость эффективности меры от уровня технического оснащения, отмечая низкую востребованность домашнего ареста из-за финансовых ограничений и отсутствия современных систем электронного мониторинга [9, с. 153]. При этом статистические данные показывают рост практики применения данной меры пресечения. Так, в 2018 году было удовлетворено 6 329 ходатайств о применении домашнего ареста, в 2020 году – 6 948, что демонстрирует незначительный прирост и слабую конкурентоспособность меры по сравнению с заключением под стражу [25, с. 41]. По статистике судебного департамента Верховного суда, за 2023 год мера в виде домашнего ареста избиралась около 7500 раз [19].

Особую остроту техническая проблема приобретает в части региональных диспропорций развития, где удаленные районы с ограниченной инфраструктурой практически лишены возможности применения современных технологий контроля. Отсутствие единых технических стандартов и централизованной системы закупок приводит к фрагментации рынка электронного мониторинга, что увеличивает стоимость оборудования и затрудняет его обслуживание. Критическим недостатком является отсутствие отечественных разработок в области GPS-браслетов и систем мониторинга,

что создает зависимость от импортных технологий и повышает риски информационной безопасности.

Следующая проблема – проблема процессуальных нарушений при рассмотрении ходатайств о домашнем аресте – представляет серьезную угрозу для соблюдения конституционных принципов справедливого судебного разбирательства. Е.А. Масленникова выделяет системные недостатки в организации судебных процедур, включая несвоевременное уведомление участников процесса и нарушение порядка предоставления процессуальных документов [14, с. 1720-1721]. Судебная практика 2025 года демонстрирует актуальность данной проблемы: в деле Саратовского областного суда потерпевшая не была извещена о судебном заседании по рассмотрению ходатайства о применении домашнего ареста, что поставило под сомнение законность принятого процессуального решения [3].

Системный анализ процессуальных нарушений выявляет их связь с недостатками организации судебного администрирования и отсутствием эффективных механизмов контроля за соблюдением процедурных требований. Особенно проблематичным является обеспечение участия защитника в судебных заседаниях, назначаемых в сжатые сроки, что нарушает принцип состязательности уголовного процесса. Дополнительную сложность создает отсутствие стандартизированных форм уведомлений и единых требований к содержанию информации, предоставляемой участникам процесса.

А.М. Круглова также отмечает отсутствие законодательной регламентации кратковременной отмены запретов при исключительных обстоятельствах, таких как смерть родственника, что создаёт правовую неопределённость [12, с. 96].

Критическое значение имеет также проблема отсутствия законодательного регулирования согласия совместно проживающих лиц на применение домашнего ареста.

И.М. Горбатов обоснованно указывает, что игнорирование интересов лиц, проживающих совместно с обвиняемым, создает серьезные угрозы для их безопасности и может нарушать основополагающие конституционные права [7, с. 62]. Приведенный автором случай совершения убийства обвиняемым, находившимся под домашним арестом совместно с потерпевшим, наглядно демонстрирует трагические последствия данного законодательного пробела. Социологические исследования подтверждают практическую значимость проблемы: 76% следователей признают необходимость законодательного закрепления требования получения согласия совместно проживающих лиц.

Данная проблема имеет конституционно-правовой характер, поскольку затрагивает право на неприкосновенность частной жизни и жилища лиц, не являющихся субъектами уголовного преследования. Применение домашнего ареста без учета мнения совместно проживающих лиц фактически ограничивает их конституционные права без соблюдения установленных законом процедур.

Особенно острой данная проблема становится в случаях домашнего насилия, когда потерпевший оказывается вынужденным сосуществовать с обвиняемым в ограниченном пространстве под контролем государственных органов.

Серьезной системной проблемой является также проблема недостаточной мотивировки судебных решений о применении домашнего ареста. А.Р. Чикулина справедливо критикует формальный подход правоприменителей, которые ограничиваются механическим воспроизведением законодательных формулировок без анализа фактических обстоятельств конкретного дела [25, с. 43]. Такая практика нарушает фундаментальные требования статьи 99 УПК РФ о мотивированности процессуальных решений и создает предпосылки для необоснованного ограничения прав личности. Судебная практика изобилует примерами шаблонных решений, в которых отсутствует индивидуальная оценка

обстоятельств дела и глубокий анализ необходимости применения конкретной меры пресечения.

Проблема формальной мотивировки тесно связана с недостаточной профессиональной подготовкой правоприменителей в области применения домашнего ареста и отсутствием единых методических рекомендаций. Судьи зачастую не имеют четких критериев для оценки эффективности домашнего ареста в конкретных обстоятельствах и вынуждены принимать решения на основе общих принципов без учета специфики данной меры пресечения. Дополнительную сложность создает отсутствие статистических данных об эффективности применения домашнего ареста, что затрудняет формирование обоснованной судебной практики.

Ещё одна – проблема устаревшей системы контроля за исполнением домашнего ареста – представляет одно из главных препятствий для эффективного функционирования института. А.В. Квык обоснованно указывает на критическую необходимость кардинальной модернизации контрольных механизмов и внедрения современных технологических решений [10, с. 77]. Существующая система контроля, основанная на методах конца XX века и включающая периодические телефонные звонки и эпизодические проверки по месту жительства, не обеспечивает непрерывного мониторинга и создает широкие возможности для нарушения условий домашнего ареста.

Критическим недостатком современной системы контроля является отсутствие интеграции различных контрольных механизмов и невозможность получения оперативной информации из смежных источников. Уголовно-исполнительные инспекции не имеют доступа к данным сотовых операторов о местоположении подконтрольных лиц, к информации банков о финансовых операциях, к системам видеонаблюдения в жилых комплексах. Такая разрозненность контрольных функций существенно снижает эффективность надзора и позволяет лицам, находящимся под домашним арестом,

осуществлять неконтролируемую деятельность в течение значительных временных периодов.

Значительную проблему представляет проблема ограничения имущественных прав при домашнем аресте, которая создает правовую коллизию между интересами уголовного преследования и правами потерпевших на возмещение причиненного ущерба.

Е.А. Семёнов и М.Г. Давыдова обоснованно отмечают, что территориальные ограничения домашнего ареста фактически блокируют возможности обвиняемого по осуществлению предпринимательской деятельности и управлению имуществом, что может препятствовать компенсации вреда потерпевшим [20, с. 474]. Данная проблема особенно остро проявляется в отношении индивидуальных предпринимателей и руководителей субъектов малого и среднего бизнеса, для которых личное участие в хозяйственных процессах является критически важным условием функционирования предприятий.

Экономические последствия ограничения имущественных прав выходят за рамки частных интересов и затрагивают более широкие социально-экономические отношения. Вынужденное прекращение предпринимательской деятельности в результате применения домашнего ареста приводит к банкротству предприятий, увольнению работников, нарушению договорных обязательств перед контрагентами.

Для решения выявленных проблем необходим комплекс системных мер, направленных на кардинальное совершенствование правовой регламентации и практического применения домашнего ареста.

Рекомендуется создание единой федеральной программы технического переоснащения системы домашнего ареста, предусматривающей поэтапное внедрение отечественных технологий электронного мониторинга. Программа должна включать создание Федерального центра разработки и производства электронных средств контроля на базе Российской академии наук совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.

Техническое решение должно основываться на интегрированной платформе, включающей GPS/ГЛОНАСС модули двойного назначения для повышения точности позиционирования, акселерометры и гироскопы для анализа физической активности, биометрические датчики для идентификации личности носителя, модули связи 4G/5G с резервными каналами передачи данных, автономные источники питания. Программное обеспечение должно поддерживать создание сложных геозон с учетом рельефа местности, автоматическое машинное обучение для выявления аномальных паттернов поведения, интеграцию с системами экстренного реагирования и медицинского мониторинга.

Также рекомендуется внесение комплексных изменений в статьи 107-108 УПК РФ, устанавливающих обязательное уведомление всех участников уголовного судопроизводства о судебном заседании по рассмотрению ходатайства о применении домашнего ареста не менее чем за 48 часов до начала заседания с одновременным направлением копий всех процессуальных документов в электронном виде через систему ГАС «Правосудие». В случаях, когда соблюдение данного срока объективно невозможно, суд обязан отложить рассмотрение ходатайства и обеспечить полноценное участие всех заинтересованных сторон. Для лиц, находящихся в отдаленных регионах, должна быть гарантирована возможность участия в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи с обеспечением технических средств за счет судебной системы.

Особое внимание должно быть уделено созданию специализированной подсистемы для рассмотрения ходатайств о домашнем аресте в отношении несовершеннолетних, предусматривающей обязательное участие законных представителей, представителей органов опеки и попечительства, психологов и социальных работников.

Данная подсистема должна включать предварительную оценку социально-психологических условий в семье обвиняемого и разработку

индивидуального плана сопровождения несовершеннолетнего в период действия домашнего ареста.

Также рекомендуется дополнение статьи 107 УПК РФ частью 1.1 следующего содержания: «Домашний арест не может быть избран без письменного согласия всех совершеннолетних дееспособных лиц, постоянно проживающих в жилом помещении, а также собственника жилого помещения в случаях, когда подозреваемый или обвиняемый не является собственником». Согласие должно быть получено в присутствии сотрудника органа предварительного расследования с обязательным разъяснением прав и последствий применения меры пресечения, о чем составляется отдельный протокол, приобщаемый к материалам уголовного дела.

И.М. Горбатов предлагает выделять этапы досудебной подготовки, включая собирание доказательств, подтверждающих наличие жилого помещения и возможности жизнеобеспечения, а также установление режима ограничений [8, с. 52].

Для случаев, когда получение согласия совместно проживающих лиц невозможно или они возражают против применения домашнего ареста, должна быть создана система специализированных жилых помещений под контролем ФСИН России, включающая адаптированные общежития, гостиничные комплексы и реабилитационные центры. Финансирование данной системы должно осуществляться из федерального бюджета.

Рекомендуется также утверждение Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «Методических рекомендаций по мотивировке судебных решений о применении домашнего ареста», содержащих детальные требования к структуре и содержанию мотивировочной части постановления. Судебное решение должно обязательно включать: анализ конкретных доказательств причастности лица к инкриминируемому деянию с указанием источников доказательственной информации; оценку риска уклонения от следствия и суда на основании объективных критериев (наличие заграничного паспорта, двойного гражданства, связей с иностранными юрисдикциями, финансовых

активов за рубежом); обоснование невозможности применения более мягких мер пресечения с детальным анализом каждой альтернативы; индивидуальную характеристику личности обвиняемого с учетом возраста, состояния здоровья, семейного положения, наличия иждивенцев, трудовой деятельности и социальных связей.

Рекомендуется создание Единой информационно-аналитической системы контроля за исполнением домашнего ареста на базе технологий распределенных реестров и искусственного интеллекта, интегрирующей в режиме реального времени данные судебной системы, органов предварительного расследования, ФСИН России и технических средств мониторинга.

Система должна включать геоинформационный модуль с поддержкой трехмерного моделирования для создания точных геозон с учетом архитектурных особенностей зданий; аналитический модуль с машинным обучением для выявления аномального поведения и прогнозирования рисков нарушения условий ареста; коммуникационный модуль для автоматического уведомления всех участников процесса о критических событиях; архивный модуль для долгосрочного хранения данных с обеспечением юридической значимости электронных документов.

Внедрение технологий искусственного интеллекта должно включать создание системы предиктивной аналитики, способной анализировать поведенческие паттерны подконтрольных лиц и автоматически выявлять признаки подготовки к нарушению условий домашнего ареста. ИИ-система должна обрабатывать данные о частоте и продолжительности перемещений в пределах жилого помещения, изменениях в режиме сна и бодрствования, контактах с внешним миром через разрешенные каналы связи, физиологических показателях (при использовании соответствующих датчиков).

Также рекомендуется дополнение статьи 107 УПК РФ частью, регламентирующей возможность частичного снятия территориальных

ограничений для осуществления неотложной предпринимательской деятельности, направленной на сохранение бизнеса и обеспечение возмещения ущерба потерпевшим. Такие исключения должны предоставляться исключительно по мотивированному ходатайству с обязательным приложением бизнес-плана по возмещению ущерба, согласованного с представителями потерпевших, графика предполагаемых деловых встреч и перемещений, письменных гарантий от деловых партнеров и поручителей.

Контроль за осуществлением предпринимательской деятельности должен обеспечиваться через назначение специального куратора из числа сотрудников УИИ, имеющего соответствующее экономическое образование и опыт работы с предприятиями. Куратор обязан ежедневно получать отчеты о финансово-хозяйственной деятельности, проводить выборочные проверки соблюдения заявленного графика, контролировать целевое использование получаемых доходов для возмещения ущерба потерпевшим.

Следующая рекомендация – разработка и утверждение межведомственного административного регламента взаимодействия между Министерством здравоохранения РФ, Министерством юстиции РФ и ФСИН России «Об особенностях применения домашнего ареста к лицам, имеющим медицинские противопоказания к содержанию в следственных изоляторах». Регламент должен содержать исчерпывающий перечень заболеваний, при наличии которых домашний арест может исполняться в медицинских учреждениях, стандартизированную процедуру медицинского освидетельствования с участием независимых экспертов, требования к медицинским учреждениям, принимающим лиц под домашним арестом, порядок постоянного медицинского наблюдения и корректировки лечения.

Правила медицинского освидетельствования утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» [18]. И.М. Горбатов предлагает законодательно

закрепить перечень заболеваний и порядок медицинского освидетельствования для случаев, когда местом домашнего ареста может быть лечебное учреждение, подчёркивая, что «наличие у обвиняемого (подозреваемого) такого заболевания должно быть установлено медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования» [7, с. 62]. Это предложение направлено на устранение правовой неопределённости, когда медицинские показания исключают заключение под стражу, но неясны критерии для домашнего ареста в лечебном учреждении.

Для лиц с тяжёлыми хроническими заболеваниями должна быть предусмотрена возможность исполнения домашнего ареста с использованием телемедицинских технологий, позволяющих осуществлять дистанционный мониторинг состояния здоровья в режиме реального времени. Система телемедицинского контроля должна включать портативные диагностические устройства для измерения основных жизненных показателей, видеосвязь с лечащими врачами для проведения регулярных консультаций, автоматическую передачу медицинских данных в электронную карту пациента, экстренные каналы связи для критических ситуаций.

Также рекомендуется внесение в статью 107 УПК РФ части, устанавливающей процедуру временного приостановления отдельных ограничений домашнего ареста при исключительных жизненных обстоятельствах (смерть близкого родственника, тяжёлое заболевание члена семьи, стихийное бедствие, техногенная катастрофа). Решение о временном приостановлении ограничений принимается следователем или судом на основании документально подтвержденного ходатайства обвиняемого в течение 4 часов с момента поступления с обязательным уведомлением всех контролирующих органов. Срок приостановления не может превышать 48 часов с возможностью однократного продления при наличии объективных обстоятельств.

Автоматизация процедуры временного приостановления ограничений должна осуществляться через специальное мобильное приложение, интегрированное с Единой информационно-аналитической системы контроля и позволяющее подавать электронные ходатайства с приложением документов в цифровом формате. Приложение должно поддерживать геолокационные сервисы для подтверждения местонахождения заявителя, биометрическую аутентификацию для предотвращения мошенничества, автоматическое уведомление контролирующих органов о поданном ходатайстве, онлайн-отслеживание статуса рассмотрения заявления.

Представим вывод по третьей главе исследования.

Комплексный анализ современного состояния института домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве позволил выявить пять основных системных проблем, препятствующих эффективному функционированию данной меры пресечения: недостаточное техническое обеспечение и низкую востребованность меры, обусловленные отсутствием современных систем электронного мониторинга и региональными диспропорциями в развитии инфраструктуры; процессуальные нарушения при рассмотрении ходатайств, связанные с несоблюдением установленных сроков уведомления участников процесса и недостатками судебного администрирования; отсутствие законодательного регулирования согласия совместно проживающих лиц, создающее угрозы для безопасности третьих лиц и нарушающее их конституционные права; недостаточную мотивировку судебных решений, выражающуюся в формальном подходе правоприменителей и отсутствии индивидуальной оценки обстоятельств дела; устаревшую систему контроля за исполнением домашнего ареста, основанную на неэффективных методах мониторинга и не обеспечивающую непрерывного надзора за подконтрольными лицами.

Предложенный комплекс системных решений включает: создание единой федеральной программы технического переоснащения с разработкой отечественных технологий электронного мониторинга на базе GPS/ГЛОНАСС

систем, биометрических датчиков и автономных источников питания; внесение изменений в статьи 107-108 УПК РФ, устанавливающих обязательное 48-часовое уведомление участников процесса с предоставлением электронных копий документов через ГАС «Правосудие» и обеспечением участия в заседаниях посредством видеоконференцсвязи; законодательное закрепление требования получения письменного согласия совместно проживающих лиц с созданием системы из специализированных жилых помещений под контролем ФСИН; утверждение методических рекомендаций по мотивировке судебных решений с обязательным анализом доказательств, оценкой рисков и индивидуальной характеристикой личности обвиняемого; создание Единой информационно-аналитической системы контроля на базе искусственного интеллекта с предиктивной аналитикой поведения и интеграцией всех контролирующих органов в режиме реального времени.

Заключение

Анализ исторического развития домашнего ареста показывает сложный эволюционный путь института от древнеримских прообразов поручительства до современной меры пресечения. Российская практика демонстрирует периодическое исключение и восстановление института в зависимости от социально-политических изменений и международных обязательств. Влияние европейских правовых традиций, особенно французского уголовно-процессуального кодекса 1808 года, сформировало концептуальные основы современного понимания домашнего ареста. Вместе с тем остаются нерешенными технические и организационные проблемы, связанные с недостаточным оснащением системы электронного мониторинга и региональными диспропорциями в применении меры.

Домашний арест представляет собой самостоятельную меру пресечения, занимающую промежуточное положение между менее строгими мерами и заключением под стражу. Его сущность заключается в обеспечении контролируемой изоляции при сохранении социальной среды обитания, что отличает его от полной институциональной изоляции. Законодательное закрепление соотношения зачета времени «два к одному» подтверждает меньшую репрессивность меры по сравнению с содержанием под стражей. Судебная практика выявляет тенденцию к более гибкому применению ограничений с учетом индивидуальных потребностей обвиняемых, что соответствует конституционным принципам гуманизма и соразмерности.

Основания для избрания домашнего ареста закреплены в статье 97 УПК РФ, где акцент делается на обстоятельствах, таких как риск уклонения от следствия или продолжения преступной деятельности, с обязательным судебным порядком и приоритетом более мягких альтернатив. Этот подход сочетает необходимость изоляции с защитой прав личности, требуя наличия подходящего жилья и эффективных механизмов контроля, при этом практика подчеркивает важность оценки доказательств, характеристик обвиняемого и

интересов проживающих совместно лиц, что в итоге способствует принципам соразмерности, хотя и выявляет необходимость уточнения процедур для полноценных гарантий и минимизации бытовых конфликтов.

Соотношение домашнего ареста и заключения под стражу подчеркивает домашний арест как менее строгую альтернативу, без ограничений по категориям преступлений, с фокусом на контролируемой социальной интеграции и соответствии международным стандартам минимизации изоляции, включая зачет времени в пропорции два к одному. Превентивные функции меры при сохранении связей иллюстрируются судебной практикой, где выбор основан на анализе рисков и обстоятельств, способствуя гуманизации процесса, но указывая на потребность в лучшей мотивировке решений, обновлении контроля и разрешении вопросов с имущественными правами для повышения эффективности и снижения социально-экономических издержек.

Комплексный анализ современного состояния института домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве позволил выявить пять основных системных проблем, препятствующих эффективному функционированию данной меры пресечения: недостаточное техническое обеспечение и низкую востребованность меры, обусловленные отсутствием современных систем электронного мониторинга и региональными диспропорциями в развитии инфраструктуры; процессуальные нарушения при рассмотрении ходатайств, связанные с несоблюдением установленных сроков уведомления участников процесса и недостатками судебного администрирования; отсутствие законодательного регулирования согласия совместно проживающих лиц, создающее угрозы для безопасности третьих лиц и нарушающее их конституционные права; недостаточную мотивировку судебных решений, выражающуюся в формальном подходе правоприменителей и отсутствии индивидуальной оценки обстоятельств дела; устаревшую систему контроля за исполнением домашнего ареста, основанную

на неэффективных методах мониторинга и не обеспечивающую непрерывного надзора за подконтрольными лицами.

Предложенный комплекс системных решений включает: создание единой федеральной программы технического переоснащения с разработкой отечественных технологий электронного мониторинга на базе GPS/ГЛОНАСС систем, биометрических датчиков и автономных источников питания; внесение изменений в статьи 107-108 УПК РФ, устанавливающих обязательное 48-часовое уведомление участников процесса с предоставлением электронных копий документов через ГАС «Правосудие» и обеспечением участия в заседаниях посредством видеоконференцсвязи; законодательное закрепление требования получения письменного согласия совместно проживающих лиц с созданием системы из специализированных жилых помещений под контролем ФСИН; утверждение методических рекомендаций по мотивировке судебных решений с обязательным анализом доказательств, оценкой рисков и индивидуальной характеристикой личности обвиняемого; создание Единой информационно-аналитической системы контроля на базе искусственного интеллекта с предиктивной аналитикой поведения и интеграцией всех контролирующих органов в режиме реального времени.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное постановление № 22-2466/2020 22К-2466/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-59/2020. Томский областной суд [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/КНрjAUWV3bJ4> (дата обращения 25.06.2025 г.).
2. Апелляционное постановление № 22-278/2025 от 23 января 2025 г. Воронежский областной суд (Воронежская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zE8VWaAyL7IK/> (дата обращения 25.06.2025 г.).
3. Апелляционное постановление № 22-326/2025 22К-326/2025 от 29 января 2025 г. по делу № 3/1-112/2024. Саратовский областной суд (Саратовская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fOGDbjI6Nfmr/> (дата обращения 25.06.2025 г.).
4. Апелляционное постановление № 22-68/2025 22К-68/2025 от 28 января 2025 г. Суд Еврейской автономной области (Еврейская автономная область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dFTrqhCvqplQ/> (дата обращения 25.06.2025 г.).
5. Апелляционное постановление № 22К-333/2025 от 28 января 2025 г. по делу № 3/1-12/2025. Верховный Суд Республики Дагестан (Республика Дагестан) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yTIQgTPba5Ly/> (дата обращения 25.06.2025 г.).
6. Вершинина С.И. О чрезмерности применения заключения под стражу // Юридический вестник Самарского университета. 2023. № 3. С. 18-24.
7. Горбатов И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 4. С. 57-64.

8. Горбатых И.М. Процессуальный порядок избрания домашнего ареста нуждается в совершенствовании // Вестник БелЮИ МВД России. 2023. № 4. С. 50-59.

9. Евенко П.А., Названова А.В., Подопригора А.А. Актуальные проблемы применения домашнего ареста в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110-8. С. 152-154.

10. Квык А.В. Система средств контроля над нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом нуждается в коренном преобразовании // Расследование преступлений: проблемы и пути их разрешения. 2017. № 1 (15). С. 76-80.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 25.06.2025 г.).

12. Круглова А.М. Актуальные проблемы правовой регламентации домашнего ареста // Вестник экономики, управления и права. 2023. № 4. С. 92-101.

13. Кузьмина О.Л., Герасимова Е.В. Домашний арест как мера пресечения: история возникновения и развития // Вестник ВИ МВД России. 2024. № 3. С. 189-193.

14. Масленникова Е.А. Особенности назначения домашнего ареста как меры пресечения // Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний, Рязань, 17–18 ноября 2022 года. Том 2. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 1720-1723.

15. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения 25.06.2025 г.).

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294013/ (дата обращения 25.06.2025 г.).

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения 25.06.2025 г.).

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109623/ (дата обращения 25.06.2025 г.).

19. Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Минюст задумался о расширении практики применения залога [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50191/> (дата обращения 25.06.2025 г.).

20. Семёнов Е.А., Давыдова М.Г. Понятие и правовая природа домашнего ареста как меры процессуального принуждения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. №2 (36). С. 472-481.

21. Тарасова К.С. О сущности меры пресечения в виде домашнего ареста // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Пермь, 28 октября 2020 года / Составитель Л.М. Фетищева. – Пермь :

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 81-85.

22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 25.06.2025 г.).

23. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 25.06.2025 г.).

24. Фетищева Л.М. Обсуждение понятия меры пресечения в виде домашнего ареста // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Пермь, 06-08 апреля 2021 года. Том 2. ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 55-57.

25. Чикулина А.Р. Стандарты правовой обоснованности избрания домашнего ареста // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2022. № 2. С. 41-46.

26. Шевчук И.В. К вопросу о генезисе домашнего ареста как меры пресечения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12(240). С. 742-744.